

Соловьев Евгений Андреевич

**Ф. Достоевский, его жизнь и
литературная деятельность**

Биографический очерк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Андреевич С.**
Ф. Достоевский, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк / Соловьев
Евгений Андреевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 99 с.

ISBN 978-5-519-74740-0

ISBN 978-5-519-74740-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
I. ВВЕДЕНІЕ.	
Достоевскій и беллетристы 40-хъ годовъ.— Особенности.— Литературный пролетарій.— Вѣчное безденежье и вѣчная кабала.— Вліяніе города — Городскія темы и городскія лица.— Психопатологія и психопатія.....	5
II. Дѣтство. — Городъ и деревня.— Деревенскія впечатлѣнія.— Мужикъ Марей.— Великое и святое.— Угрюмый отецъ.— Семейная жизнь.— Буквари, начатки, грамматики.— Жоржъ Зандъ	17
III. Смерть матери и переѣздъ въ Петербургъ. — Лучъ идеализма.— Дурныя впечатлѣнія.— Инженерное училище.— Одиночество.— Тяжелая юность.— Бѣдные люди.— Разрывъ съ Бѣлинскимъ.— Неудачи— Болѣзнь.....	28
IV. Кружокъ Петрашевскаго. — Арестъ.— Ссылка на каторгу.— Вліяніе каторги на характеръ и міросозерцаніе Достоевскаго.....	46
V.—Возвращеніе изъ ссылки. — Изданіе „Времени“ и „Эпохи“.— Женитьба.— Годы за границей	64
VI.—Слава.	76
VII.—ИТОГИ.	
Что далъ намъ Достоевскій.— Кающійся интеллигентъ.— Разладъ съ народомъ.— Необъятная сила	88

ГЛАВНЫЯ ПОСОБІЯ

- 1) *Θ. М. Достоевскій*.—Полное собраніе сочиненій.
 - 2) *Панаевъ*.—Литературныя воспоминанія.
 - 3) *Панаева-Головачева*.—Писатели и артисты.
 - 4) *А. М. Скабичевскій*.—Исторія новѣйшей литературы.
 - 5) *Чижъ*.—Достоевскій, какъ психопатологъ.
 - 6) *Статьи о Достоевскомъ*: а) Бѣлинскаго.
б) Добролюбова.
в) Страхова.
г) Н. К. Михайловскаго.
 - 7) «*Время*» и «*Эпоха*» — журналы, издававшіеся подъ редакціей *Θ. М. Достоевскаго*.
И мн. др.
-

I.

ВВЕДЕНИЕ.

Достоевскій и беллетристы 40-хъ годовъ.—Особенности.—Литературный пролетарій.—Вѣчное безденежье и вѣчная кабала.—Вліяніе города.—Городскія темы и городскія лица.—Психопаталогія и психопатія.

Имя Фед. Мих. Достоевскаго упоминается обыкновенно на ряду съ именами Толстого, Тургенева, Гончарова, и никто, я думаю, не станетъ отрицать за нимъ права быть поставленнымъ въ первыхъ рядахъ «стаи славной» беллетристовъ сороковыхъ годовъ. Но если и возможно сближать Достоевскаго съ его сверстниками съ точки зрѣнія мѣста, времени, силы таланта и общности «литературнаго происхожденія» (отъ Гоголя), то подобное сближеніе очень трудно и потребуетъ самыхъ замысловатыхъ натяжекъ, разъ мы перейдемъ къ духу, смыслу и формѣ произведеній. Всѣмъ этимъ Достоевскій уже обязанъ преимущественно себѣ и страннымъ обстоятельствамъ своей личной жизни. Это—его неотъемлемая собственность, въ которой ярко выразилась его рѣзко очерченная индивидуальность, его болѣзненный психопатическій геній, оригинальность его мышленія и фантазій, не имѣющая ничего подобнаго и равнаго въ русской литературѣ. Положительно трудно не согласиться съ словами Н. Н. Страхова изъ его письма къ Достоевскому: «очевидно, по содержанію, по обилію и разнообразію идей вы у насъ первый человѣкъ, и самъ Толстой, сравнительно съ вами, однообразенъ. Этому не противорѣчитъ то, что на всемъ вашемъ лежитъ особенный и рѣзкій колоритъ». Въ чемъ-же эта всѣми замѣченная, но никѣмъ вполне ясно не формулированная особенность всей жизни и всей дѣятельности Достоевскаго? Кой какія параллели дадутъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Въ произведеніяхъ Гончарова и въ особенности Тургенева вамъ прежде всего бросается въ глаза удивительная отдѣлка формы.

Все вызолочено, вылощено, вылакировано, отполировано; каждое слово на своемъ мѣстѣ, каждая фраза не только закруглена, но и отшлифована. Ни одной лишней, ненужной подробности, ни одной страницы, въ которой было бы замѣтно утомленіе или неровность таланта. Каждое произведеніе такъ и просится въ переплеть съ золотымъ обрѣзомъ. Каждая фигура, каждая даже мимолетно появляющаяся на сцену личность (у Тургенева)—точно изъ мрамора выточена: ни прибавить, ни убавить нельзя ничего. Видно, что это десятки разъ обдумывалось и передумывалось, писалось и переписывалось и только потомъ уже давалось публикѣ на прочтеніе, съ полной увѣренностью въ успѣхѣ, безъ всякой торопливости, безъ всякихъ заискиваній. Хорошо такъ работать и счастливы тѣ художники, который можетъ такъ работать. Но для этого нужны прежде всего средства и выдержка (внутренняя дисциплина). Ни того, ни другого у Достоевскаго не было. Во всю свою жизнь только двѣ вещи онъ написалъ не наспѣхъ и не къ сроку. Это «Бѣдные люди»—первый его романъ и «Братья Карамазовы»—последній. Все остальное писалось столько же изъ потребности, сколько и изъ за заработка, когда, бывало, и ѣсть нечего, и самъ Достоевскій по уши въ долгахъ сидитъ въ Сибири или за границей. Оттого-то, за весьма малыми исключеніями, у Достоевскаго нѣтъ ничего выдержаннаго, обработаннаго. Иногда цѣлая сотня страницъ производитъ впечатлѣніе какой-то *parier machée* и только вдругъ, въ концѣ, гений, преодолевъ усталость, проявляется во всю мощь, точно молнія прорѣзываетъ тучи и освѣщаетъ всю картину фантастическимъ, дивнымъ блескомъ. Обыкновенно-же это тысячи ненужныхъ подробностей, десятки отдѣльных интригъ, нагроможденных другъ на друга, частыя перемѣны темъ, внезапныя появленія новыхъ героевъ и героинь. Все это наспѣхъ, наскоро, съ натугой и порывами, кризисами творчества, молніеносными проблесками генія и удручающимъ вымучиваніемъ. Но иначе было нельзя: копить деньги Достоевскій не умѣлъ и зачастую запродавалъ, вмѣсто романа, бѣлый листъ бумаги, причемъ «мошенники» издатели «огараживали свои интересы разными неустойками. Разверните переписку Достоевскаго; вѣдь это одинъ и той-же мотивъ: «денегъ, денегъ, денегъ!» и мало мальски чувствующій и мыслящій человѣкъ пойметъ, какая трагедія разыгрывалась въ душѣ великаго писателя, которому къ такому-то сроку непременно надо приготовить такое-то количество листовъ. Разъ попавши въ лапы

тг. Краевскихъ, Стелловскихъ, Достоевскій только подъ конецъ жизни вырвался изъ нихъ. Какой-же силы долженъ былъ быть талантъ, успѣвшій проявить себя во всю мощь, несмотря на нищету, каторгу, падучую и рѣзкіе признаки если и не помраченія, то во всякомъ случаѣ психопатизма, по нашему—истеричности?..

Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ писали и пишутъ, потому что у нихъ была потребность писать, такая-же неотразимая, «органическая», какъ у другихъ ѣсть, пить, спать. Литература и для нихъ главное дѣло жизни, но не будь у нихъ таланта, они преспокойно прожили бы и безъ нея. Пишу потому, что пишется, потому, что хочется писать. Это завидная участь. Для Достоевскаго литературная дѣятельность была столько-же потребностью, сколько и необходимостью. Онъ самъ себя не разъ называлъ литературнымъ пролетаріемъ и называлъ совершенно основательно, хотя успѣхъ и удача пріобрѣтались имъ сравнительно легко. Какъ ни великъ былъ его геній, спѣшка портила дѣло, коверкала его и терзала великую писательскую душу, заставляя то съ злобой, то съ отчаяніемъ повторять: «эхъ, кабы хоть одинъ романъ написать такъ, какъ пишутъ Тургеневы да Толстые»... А сколько униженій, сколько невидныхъ самолюбивыхъ мукъ, сколько зависти и ревности къ другимъ, болѣе счастливымъ, которымъ отъ рожденія дано то, чего ему, Достоевскому, удалось достичь лишь трудомъ цѣлой жизни, т. е. матеріальнаго обезпеченія! Приходилось выпрашивать и вымаливать авансы, сотни, десятки рублей, выслушивать упреки за несвоевременную доставку заказовъ, писать, несмотря на припадки, и пр.! Жизнь Достоевскаго—это полная трагизма борьба генія съ рынкомъ...

Но вмѣстѣ съ этимъ Достоевскій до страсти любилъ литературу и внѣ ея не искалъ ни заработковъ, ни занятій. Онъ съ гордостью называлъ себя литераторомъ, хотя и нищимъ литераторомъ, и даже обижался, когда ему предлагали занять какую нибудь казенную должность или что нибудь въ этомъ родѣ. Только по временамъ срывались у него невольныя проклятія, когда нужда слишкомъ ужъ начинала давить, но и тутъ онъ твердо оставался на посту. Вотъ любопытный отрывокъ изъ одного письма, достаточно характеризующій эту душевную трагедію литературнаго пролетарія. Дѣло въ томъ, что Кашипиревъ (редакторъ «Зари»), не выслалъ ему къ сроку 75 рублей. Достоевскій раздражается слѣдующими стро-

ками: «Неужели онъ думаетъ, что я писалъ ему о своей нуждѣ только для красоты слога! Какъ могу я писать, когда я голоденъ, когда я, чтобы достать два талера на телеграмму, штаны заложилъ! Да чортъ со мной и съ моимъ голодомъ! Но вѣдь она (жена) кормить ребенка, чтожъ, если она послѣднюю свою шерстяную юбку идетъ сама закладывать! А вѣдь у насъ второй день снѣгъ идетъ (не вру, справьтесь въ газетахъ), вѣдь она простудиться можетъ! Неужели онъ не можетъ понять, что мнѣ стыдно объяснять ему все это! Да неужели уже онъ не понимаетъ, что онъ не только меня, но и жену мою оскорбилъ, обращаясь со мной такъ небрежно, послѣ того, какъ я писалъ ему о нуждахъ жены. Оскорбилъ, оскорбилъ!...—Онъ скажетъ, можетъ быть: «а чортъ съ нимъ и съ его нуждой! Онъ долженъ просить, а не требовать» и т. д. И такую вещь приходится писать автору «Бѣдныхъ людей», «Записокъ изъ Мертваго дома», «Преступленія и наказанія»!.. Фразы же, вроде: «я до того заработался, что отупѣлъ, и голова какъ забитая»—повторяются постоянно.

И все-же Достоевскій не только не оставлялъ, но даже и не думалъ оставить своей литературной лямки.

Оставимъ однако борьбу съ рынкомъ въ сторонѣ и перейдемъ къ другой сторонѣ вопроса. «Ловкій французъ или нѣмецъ,—писалъ Н. Н. Страховъ къ Достоевскому,—имѣй онъ десятую долю вашего содержанія, прославился бы на оба полушарія и вошелъ бы первостепеннымъ свѣтиломъ въ исторію всемірной литературы. И весь секретъ, мнѣ кажется, въ томъ, чтобы ослабить творчество, понизить тонкость анализа, вмѣсто двадцати образовъ и сотни сценъ остановиться на одномъ образѣ и десяткѣ сценъ». Этотъ совершенно вѣрно указанный недостатокъ—(такъ какъ сущность литературнаго таланта въ томъ и состоитъ, чтобы съ наименьшими затратами выраженія—въ широкомъ смыслѣ слова—произвести наибольшее впечатлѣніе на читателей)—происходитъ отчасти отъ спѣшки въ работѣ, отчасти и отъ другихъ причинъ. Дѣло въ томъ, что талантъ Достоевскаго, талантъ совсѣмъ особенный, исключительный. Владѣть имъ онъ такъ и не научился до конца жизни. Это талантъ неровный, вспыльчивый, раздражительный, до послѣдней степени нервный и капризный. Чтобы написать простое письмо, Достоевскому нужно было вдохновеніе, иначе у него и двухъ строкъ не выходило. Свои темы онъ бралъ сразу, приступомъ, однимъ размахомъ рисовалъ самые сложные свои

типы (напр. Ив. Карамазовъ, Раскольниковъ, Свидригайловъ), а не подбирался къ нимъ исподтишка, понемногу. Великій мастеръ въ психологическомъ анализѣ, Достоевскій совсѣмъ не былъ мастеромъ въ детальной живописи. Онъ не могъ такъ возиться, такъ разглядывать, такъ разрѣзывать по частямъ своихъ героевъ, какъ Толстой; не умѣлъ такъ вырисовывать ихъ, какъ Тургеневъ; но онъ, какъ никто, умѣлъ жить съ ними, страдать съ ними, мучиться и волноваться. Созерцательности въ немъ не было ни на югу, оттого-то творчество такъ истощало его. Въ то время какъ Гончаровъ смотритъ на жизнь удивительно умнымъ, понимающимъ и въ то же время удивительно сытымъ взглядомъ, Достоевскій — весь нервы, весь напряженіе, весь мука и томленіе. Когда Толстой стоитъ передъ вами, вперивъ свой испытующій гениальный взглядъ въ самую глубину души человѣческой, творя судъ надъ правымъ и неправымъ съ медлительностью всеиспытавшаго и всепостигшаго генія, Достоевскій или проклинаятъ, или благославляетъ, съ любовью или съ ненавистью, но всегда со страстью. Отсюда эта страстность, нервность, неровность таланта, это вѣчное клочканіе въ груди, мучительно любящей, мучительно ненавидящей.

Повидимому, виновать въ этомъ личный, по наслѣдству полученный Достоевскимъ характеръ, его, какъ сейчасъ увидимъ, *истеричность*, а потомъ и еще одно обстоятельство, особенно хорошо и мѣтко указанное А. М. Скабичевскимъ въ его «Исторіи новѣйшей русской литературы». «Въ то время, какъ большинство беллетристовъ 40-хъ годовъ, будучи выходцами изъ деревень, принадлежать къ рыхлому помѣщичьему типу, Достоевскій является представителемъ разночиннаго, служилаго класса общества, холерически нервнымъ сыномъ города; а, во вторыхъ, въ то время, какъ большинство ихъ были люди обезпеченные, Достоевскій одинъ среди нихъ принадлежалъ къ вновь возникшему классу интеллигентнаго пролетаріата». Этому сыну города, интеллигентному пролетарію, всегда раздраженному, всегда разстроенному, ведшему такую упорную, отчаянную борьбу съ жизнью и рынкомъ, некогда было созерцать, смаковать и вырисовывать своихъ героевъ. Его беспокоитъ жизнь, ея матеріальная сторона, ея нравственныя проблемы. Онъ какъ бы сторонится отъ красоты, изящества, наслажденія. Онъ терпѣть не можетъ никакихъ художественныхъ аксессуаровъ. Жизнь — это ужасно серьезная, ужасно трудная, даже жестокая вещь. Гдѣ тутъ цѣловаться да миловаться —

или описывать поцѣлуи да милованья. Жизнь—задача, долгъ, обязанность, борьба наконецъ, послѣ которой руки и ноги будутъ въ крови. Поэтому въ произведеніяхъ Достоевскаго вы не найдете ни очаровательныхъ описаній природы, ни захватывающихъ сценъ любви, свиданій, поцѣлуевъ, ни обворожительныхъ женскихъ типовъ. Все это Достоевскій отрицалъ въ принципѣ. Въ «Бѣсахъ», въ лицѣ писателя Кармазинова, онъ потѣшался надъ Тургеневымъ за его «страсть изображать, напр., поцѣлуи не такъ, какъ они происходятъ у всего человѣчества, а чтобы кругомъ росъ дрокъ или какаянибудь другая трава, о которой надо справляться въ ботаникѣ, причемъ и на немъ долженъ быть непременно какойнибудь фіолетовый оттѣнокъ, котораго конечно никто никогда не видалъ, а дерево, подъ которымъ усѣлась интересная пара, непременно какогонибудь оранжеваго цвѣта». Этотъ пуризмъ очевидно происходилъ отъ слишкомъ серьезнаго, слишкомъ вдумчиваго отношенія къ жизни, которая представлялась Достоевскому, какъ *религиозная проблема прежде всего*. Все равно, какъ cadaго его героя жизнь прежде всего *мучаетъ*, такъ она мучила и его самого. Гдѣ тутъ описывать поцѣлуи интересныхъ паръ!.. Это то ужъ, несомнѣнно, взгляды на жизнь тяжкодума, городского пролетарія.

Сынъ города видѣнъ также и въ выборѣ сюжетовъ. Баре Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ баръ прежде всего и рисовали и, какъ дополнение къ нимъ, мужика. Третьяго сословія, горожанъ, мѣщанъ, разночинцевъ они почти не затрогивали, иногда развѣ преимущественно для ради «опроверженія». Изящнаго общества Достоевскій не зналъ и не выводилъ на сцену въ своихъ произведеніяхъ. Міръ чиновничества, интеллигенціи, городского пролетаріата—вотъ его сфера. «Онъ любитъ вводить читателя въ городскіе вертепы, трущобы, гдѣ царятъ нищета и развратъ. Онъ даже, какъ Диккенсъ, проникнуть ихъ мрачной поэзіей. Не вдаваясь въ описаніе красотъ природы, онъ очень часто развѣртываетъ передъ читателемъ иного рода ужасающія картины, отъ которыхъ мурашки ползутъ по спинѣ. Это въ особенности Петербургу свойственная картина городскихъ улицъ ночью, въ осеннее ненастье или зимнюю вьюгу, когда всѣ, у кого есть теплый кровъ, прислушиваются къ завываніямъ бури въ своихъ тепленькихъ уголкахъ, и лишь безпріютныя, обиженныя, сбившіяся со всякаго пути, полуодѣтыя въ жалкія рубища существа крадутся среди грязи, слякоти, холода и мрака, осыпаемыя мокрымъ снѣгомъ, пронизываемыя вѣтрами и погруженныя въ какіянибудь полубезумныя грезы».

Къ довершенію всего, т. е. своей особеннoсти, Достоевскій былъ несомнѣннымъ психопатомъ, не помѣшаннымъ, говорю я, а психопатомъ, что не то же самое. Въ дѣтствѣ онъ страдалъ галлюцинаціями, потомъ падучей. Но и кромѣ этого, у него были ярко выраженные признаки мнительности и истеричности характера. Что такое мнительность, знаетъ всякій; это мучительное недовѣріе къ себѣ, своимъ силамъ, жизни, это подозрительность въ отношеніи ко всякому, опять таки начиная съ себя, это боязнь, испуганность передъ жизнью вообще. Что же такое «истеричность», съ которой намъ придется встрѣтиться не разъ на протяженіи біографіи, объ этомъ лучше всего скажетъ намъ самъ Достоевскій—величайшій изъ психопатологовъ. Отсылая за подробностями къ «Братьямъ Карамазовымъ», я беру характеристику истерической натуры въ изложеніи д-ра Чижа: это «неустойчивое равновѣсіе психическихъ отпавленій, чрезмѣрно легкая возбудимость, необыкновенно сильная реакція психического механизма и быстрая смѣна его возбужденій. Въ характерѣ такого рода больныхъ бросается въ глаза пестрая смѣсь построеній и аффектовъ, симпатій и антипатій, представленій то веселыхъ, то грозныхъ, то серьезныхъ, то низменныхъ, то съ философскимъ пошибомъ, стремленій полныхъ энергіи, но скоро и пропадающихъ... У этихъ же больныхъ есть и другая замѣчательная черта—самолюбіе! Они самые наивные эгоисты, говорятъ только о себѣ и постоянно, съ самымъ живымъ интересомъ, стараются обратить на себя общее вниманіе, возбудить участіе, заинтересовать всѣхъ своею личностью, своею болѣзнію, даже пороками». Въ этомъ портретѣ трудно не узнать Фед. Мих. Достоевскаго, его неуравновѣшенную, неровную натуру, полное отсутствіе внутренней дисциплины, капризность, быстроту, безпричинную смѣну восторговъ и отчаянія, симпатій и антипатій, крайняго увлеченія и холоднаго равнодушія. Страшно за человѣка, которому приходится жизнь прожить съ такимъ характеромъ, а къ тому же если этотъ человѣкъ талантливъ, бѣденъ, наивенъ, какъ ребенокъ... Но все это выяснится намъ послѣ.

Пока-же два слова о міросозерцаніи. — Совершенно естественно, что особенности личной жизни, исключительный, болѣзненный темпераментъ придали ему очень рѣзкую индивидуальную окраску. Но было-бы кажется совершенно напрасной сизифовой работой представить это міросозерцаніе въ его цѣломъ: нѣтъ просто никакой возможности разобратъся въ противорѣчивыхъ подробностяхъ, въ

взаимно исключających парадоксахъ. На мысль Достоевскаго личное—даже минутное настроеніе оказывало могущественное вліяніе, и сегодняшнее бѣлое могло очень легко завтра показаться чернымъ. Если въ «Зап. изъ Мерт. Дома» онъ утверждаетъ, что характерная черта русскаго народа—стремленіе къ *справедливости*, то это нисколько не мѣшаетъ ему говорить въ «Дневникѣ»: «нашъ народъ любитъ страданіе». Если однажды Бѣлинскій представляется ему «благороднымъ», то черезъ нѣсколько времени благородный человѣкъ оказывается поганымъ явленіемъ русскаго жизни, и т. д. Ни въ жизни своей, ни въ мысли Достоевскій не зналъ дисциплины и противорѣчилъ себѣ не только въ подробностяхъ, но и въ основномъ. Попробуйте изложить его взгляды на страданіе: то онъ является передъ нами чистымъ гуманистомъ, то признаетъ необходимость страданія, какъ наказанія за грѣхъ, то просто преклоняется передъ нимъ, какъ передъ таковымъ. Неправда жизни, опять-таки, то губитъ людей, то воспитываетъ въ нихъ внутреннюю силу. И т. д. Многія-же изрѣченія Достоевскаго прямо зависятъ отъ минутной злобы, внезапно нахлынувшего раздраженія, отъ личныхъ симпатій и антипатій. Несомнѣнно, что, вращаясь онъ въ другомъ обществѣ, онъ зачастую бы говорилъ другое и не дѣлалъ бы такихъ ужасныхъ скачковъ отъ христіанскаго смиренія къ самому забубенному шовинизму или чему-нибудь въ этомъ родѣ. Повторяю, мечта о томъ, чтобы представить міросозерцаніе Достоевскаго во всей его цѣлости и стройности, мечта совершенно неосуществимая. Недисциплинированная мысль великаго художника сама подъ часть не знаетъ, куда она идетъ, и требуетъ напр. каторги для сумасшедшаго! (Раскольниковъ) *). Но все-же общія идеи этого міросозерцанія ухватить можно. Въ послѣдней главѣ нашей книгѣ мы говоримъ о Достоевскомъ какъ о *народникѣ*, теперь же попытаемся охарактеризовать это общее господствующее настроеніе.

Понятно, что Достоевскій, какъ страстный и нетерпѣливый характеръ, зачастую чувствовалъ какую то истеричную и вмѣстѣ съ тѣмъ непримиримую злобу и къ жизни, и къ людямъ. Въ эти мрачныя минуты его душевныя раны открывались; дикой и мучительной, полной ненужной, но неукротимой жестокости представлялась ему жизнь. Съ страстнымъ любопытствомъ художника погружался онъ тогда въ человѣческую душу и находилъ въ ней

*) См. гл. V.